

Татьяна Анатольевна Космеда

Польша, Университет им. Адама Мицкевича в Познани

Актуализация ретроспективного анализа: моделирование методики изучения языковой личности из прошлого

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, метод, методология, методика, речевой факт, языковая личность, ретроспекция

Key words: communicative competence, method, methodology, technique, speech fact, linguistic personality retrospection

Abstract

The necessity of foregrounding retrospective approach while studying live speech of a non-contemporary personality has been recognized. A need for the introduction of more active retrospection is highlighted by research into Ivan Franko's communicative competence.

Современная лингвистика, как известно, опирается на важнейшие постулаты традиционной философии, ее методологию, в числе прочего и на принцип диалектического развития общественных явлений, их социальную обусловленность.

Язык – исторически материализованная, социально обусловленная субстанция, имеющая свои особенности, мотивированные ее «духом», в частности лингвокреативностью каждого конкретного народа, определенной языковой личности, представляющей этот народ. Структурными признаками языка (речи) является, что общеизвестно, единство таких составляющих, как духовное, материальное, социальное, смысловое и функциональное.

Теоретическая концепция исследования языковых явлений пребывает в постоянном развитии, систематически ведутся поиски новых исследовательских принципов, методов и методик; наблюдается их совершенствование, что непосредственно связано с развитием науки о языке, расширением ее

проблематики, появлением новых направлений, сменой господствующих научных парадигм, общественного запроса, соответствующего потребностям времени. Э. Бенвенист справедливо писал, что «лингвистика стала фундаментальной наукой среди наук о Человеке и обществе, одной из наиболее активных как в теоретических поисках, так и в развитии метода» [Бенвенист 1998: 59]. В свое время Л. Булаховский акцентировал внимание исследователей на необходимости основательного изучения «вопроса о методе в языкознании» [Булаховский 1975: 99]. Указанная задача не утратила своей актуальности в лингвистике, что связано с непрерывным движением, развитием и совершенствованием науки в целом и языка в частности.

В данном разыскании попытаемся представить концепцию развития методологии современных лингвистических исследований в проекции на ретроспективный анализ. Потребность более активного внедрения такой методологии и методики обусловлена опытом изучения коммуникативной компетенции гения украинской нации Ивана Франко [см.: Космеда 2006].

Ретроспективный взгляд автора этого исследования направлен на языковую личность Ивана Франко [см.: Космеда 2012], поскольку последний представляет уникальный образ языковой личности элиты украинской нации, сумевшей вобрать и лингвокультурный опыт украинского народа, и региональную лингвокультуру галичан, а также европейскую и мировую лингвокультуру в целом.

Кроме того, Иван Франко – личность, которая, как никто иной, спроектировала свою деятельность на разные сферы человеческой деятельности, бытия, поэтому изучение коммуникативной компетенции этого писателя и других ярких элитарных представителей определенной лингвокультуры может предоставить возможность прийти к новым выводам относительно специфики функционирования языка, «живой» речи каждого конкретного народа в отдельности и речевых процессов в целом, касающихся прошлого, что даст возможность оценить их по-новому, с точки зрения современной науки.

В ракурсе задекларированной выше методологии важным является и вопрос о восприятии рассматриваемой языковой личности обществом, языковым сознанием типичных представителей лингвокультуры конкретного периода на конкретной территории, т. е. с учетом конкретного хронотопа. Анализ такого восприятия и положен в основу ретроспективного изучения коммуникативной компетенции Ивана Франко.

Одним из наиболее распространенных методов в языкознании остается метод наблюдения над фактами языка (речи), который может применяться и в ретроспекции. Подобные наблюдения требуют поиска ярких и убеждающих примеров, являющихся типичными, показательными. Проблема состоит в том, что в процессе изучения «живой» речи И. Франко, естественно, сбор материала мог осуществляться только на основании готовых письменных

текстов. Сегодня «живую» речь изучает так называемая «подслушивающая лингвистика», «эмфатическое языкознание», «дискурсология вслушивания – употребления» и подобные. Однако этих методов, как и методики изучения «живой» речи в целом во времена И. Франко еще не существовало. А ретроспективно их использовать, естественно, нельзя, однако «живую» речь изучать ретроспективно все-таки можно.

Общеизвестно, что наиболее важным вопросом методологии является вопрос об источниках знаний. Абсолютно справедливо отмечал Г. Гийом, что «каждая теория движется навстречу фактам. И встреча с фактом является критическим моментом теории» [Гийом 1992: 25], «нужно дать теории ее шанс, шанс счастливой встречи с фактами» [Гийом 1992: 27].

«Счастливая встреча» с фактами у автора монографии *Коммуникативная компетенция Ивана Франко* состоялась трижды. Первую такую возможность предоставило знакомство с изданием *Воспоминаний об Иване Франко* [*Спогади про Івана Франка* 1997], в котором тщательно собраны сведения широкого круга общественных и культурных деятелей Западной Украины и Надднепровья конца XIX – начала XX ст., воспоминания родственников, близких людей, друзей, приятелей, соратников, знакомых и учеников Ивана Франко. Эти мемуары спроектированы как на вербальное, так и на невербальное коммуникативное поведение писателя.

Подчеркнем, что для ретроспективного исследования коммуникативной компетенции каждой конкретной языковой личности очень важным и необходимым условием является факт наличия воспоминаний, дающих возможность увидеть языковую личность всесторонне, сквозь призму разных по социальному статусу, профессии, возрасту, стати, степени знакомства, родственных связей, характеру интерперсональных, интеркультурных отношений свидетелей и интерпретаторов этой речевой деятельности. Чем шире дифференциация интерпретаторов, тем, можно предположить, более объективным будет анализ речевой деятельности конкретной языковой личности. Освещение речевого поведения разными интерпретаторами и дало возможность сделать обоснованные выводы о том, что языковое сознание Ивана Франко, действительно, было ориентировано на целесообразную дифференциацию его речевых действий в зависимости от конкретного статуса его адресата, в частности с учетом: 1) возраста; 2) стати; 3) места проживания; 4) общественного положения, рода деятельности, профессии; 5) идеологии; 6) семейных отношений; 7) степени интимизации отношений (приятель, друг, знакомый и т. д.) и под. Учет указанных признаков, собственно, и мотивировал выделение таких параметров, как межличностные контакты И. Франко с соотечественниками, земляками-украинцами, представителями других народов, национальностей, особенности общения с собственными и чужими детьми, молодежью, женщинами, друзьями, знакомыми, малознакомыми людьми, священниками, студентами, крестьянами и др.

Авторы мемуаров характеризовали не только хронотоп (где? когда?) речи И. Франко, но и описывали его каждодневные вербальные и невербальные действия, паралингвистические свойства, начиная с внешности, первого впечатления, которое оставлял писатель после знакомства с ним, его манеры одеваться, двигаться, работать и т. д. Это и характеристика голоса, специфики взгляда, техники речи, особенностей речевой манеры, характерные дискурсивные слова, речевые приемы, образные средства, его речь в момент актуализации разных душевных состояний, репрезентации чувств – гнева, сопереживания, волнения, восторга, сожаления, досады и т. д. Для языковой личности И. Франко характерны острый юмор, уместная реализация феномена прецедентности, в частности использование реминисценций, моделирование аллюзии, намеков, межкультурная диалогичность, толерантность, тактичность, вежливость, внимательность и под. [см.: Космеда 2006].

Мемуары современников И. Франко касаются разных речевых ситуаций, возникающих как в быту, неофициальных встречах, так и во время официоза. В воспоминаниях описывается реакция реципиентов на доклады, ораторские выступления, публичные речи И. Франко, различные по жанрам и тематике. Именно это важно для всестороннего описания речевого поведения каждой конкретной языковой личности. Исследована специфика речи И. Франко в кругу семьи, во время дружеских бесед, например на его свадьбе, в период знакомства с будущей супругой, на работе, во время обсуждения служебных проблем, редактирования текстов, обучения молодежи, на прогулках, в путешествиях, в ситуации приема гостей, в гостях, общественных местах, к примеру, во львовских кафе, на собраниях, вечарах, в академических учреждениях, во время декламирования собственных произведений, на юбилеях, банкетах, в суде, на лекции в университете и т. п.

Вторая так называемая «счастливая встреча» с фактологическим материалом – это «встреча» с: 1) документами, которые касаются событий, фактов из жизни Ивана Франко, в частности отраженных в периодической печати того времени (публикации в газетах и журналах относительно выступлений И. Франко в суде, на вечарах, в театре, библиотеках, относительно декламирования поэзии и под. с комментариями авторов этих статей, журналистов; такие заметки довольно подробно и выразительно излагают интересные факты) [*Иван Франко: Документи... 1966*]; 2) его собственными воспоминаниями, высказываниями, фрагментами переписки: в письмах часто рассуждают именно о речевом поведении, кстати, и в критической оценке И. Франко относительно собственного поведения; 3) текстами его публичных выступлений: в собраниях сочинений И. Франко содержатся тексты его публичных выступлений, разные по жанрам и тематике, например доклад на вече 15 ноября 1906 г. *Общественно-политические взгляды М. Драгоманова*, доклад на вечерницах, посвященных 43-й годовщине со дня смерти Шевченко (Львов, 15 марта 1904 г.), доклад *Шевченкова «Тополя»*, провозглашенный на шевченковском

празднике в Станиславе (4 апреля 1890 г.), выступление на юбилее 25-летия творческой деятельности, на банкете по поводу отмеченного события, на юбилеях Н. Лысенко, М. Конопницкой, выступление, касающееся юбилея И. Нечуй-Левицкого и др.; 4) оценками, вынесенными Иваном Франко по поводу качества публичной речи других языковых личностей, публичных докладов его современников и предшественников, среди прочих сохранилась оценка докладов Мириамы [Франко 1981] и под.; 5) статьей И. Франко *Изысканное красноречие (Parlar gentile)* [Франко 1982в], в которой охарактеризованы некоторые взгляды писателя на проблемы красноречия, теории коммуникации (такие размышления фрагментарно представлены и в других произведениях писателя).

Само понятие *живая речь* привлекало внимание И. Франко. Он подчеркивал, что «живой язык можно и нужно изучать как живое растение, но нельзя и не следует его засушивать и заковывать в мертвые правила и формулы» [Франко 1982а: 244]. И. Франко демонстрировал «любовь к развитию живого слова», считал, что «нужно заглядывать в глубину этого развития, в его пружины и переходы» [Франко 1982б: 276 (перевод наш. – Т. К.)].

Третья «счастливая встреча» – это теоретические разыскания писателя относительно анализа речи художественных произведений.

Сегодня франковедение стало самостоятельным направлением украинской науки, ее составляющей является лингвистическая франкиана, занимающаяся, в частности, изучением и особенностей языковой личности И. Франко.

Однако как языковая личность писатель изучен лишь частично, поскольку, как известно, языковая личность коммуниканта – это представленный в языке и речи фрагмент сознания носителя языка, имеющий три уровня: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационно-прагматический. Вербально-семантический и тезаурусный уровни И. Франко как языковой личности частично изучены и даже отражены в украинской лексикографии. Конечно, полное описание и выделение тезауруса И. Франко – дело рук будущих поколений языковедов. Однако большим достоянием франковедения сегодня является словоуказатель *Лексика поэтических произведений Ивана Франко*, содержащий 30 000 слов [Ковалик 1990].

На фоне изучения особенностей коммуникативного поведения И. Франко можно проследить, как отмечалось, и специфику речевого поведения украинцев в целом, галичан в частности. Галицкие обычаи, традиции, особенности процесса общения, речи отличались от тех, что были распространены на территории восточной Украины. Об этом также оставили свои суждения современники И. Франко; например, академика С. Ефремова удивило то, что к И. Франко обращались в форме «доктор». Такое обращение не было принятым в Украине, так обращаются к людям, получившим степень кандидата наук в Польше [Ефремов 1997: 225]. А когда И. Франко пригласил свою будущую супругу Ольгу с ее сестрой на галицкую вечеринку, то гости были удивлены: «Как это – тут все

свои, а ведут себя совсем как чужие! Никто и пару слов не сказал друг другу». Франко объяснил, что у них такой обычай: «Нельзя общаться во время танцев, ибо сразу скажут, что молодые люди пытаются ухаживать!» [Трегубова 1997: 156–157 (перевод наш. – Т. К.)]. В Киеве во время свадьбы самого И. Франко с молодоженом случился конфуз, о котором вспоминает А. Трегубова: «Кто-то крикнул: „Горько!“ Жених не знал, что это значит, пока мой муж не объяснил ему, поцеловав меня...» [Трегубова 1997: 156–157 (перевод наш. – Т. К.)]. Г. Житецкий удивлялся речевой манере поведения И. Франко, который здоровался со всеми знакомыми Житецкого на улицах Киева. И. Франко это объяснил просто: «У нас такой заграничный обычай – здороваться со всеми, кто здоровается с твоим спутником на улице» [Житецкий 1997: 161 (перевод наш. – Т. К.)]. Перечень подобных примеров можно продолжить.

По этому поводу В. Симович пишет:

[...] при оценке деятельности Франко никогда нельзя не учитывать времени, в каком он жил. Нельзя не учитывать специфики поведения людей и определенные обстоятельства, в которых ему приходилось работать. Нельзя не учитывать те мысли, которыми жило тогда украинское общество Галиции. Нельзя не обращать внимания на воздух, которым тогда дышали галицкие граждане. Так сильно сросся Франко с почвой, на которой он жил и на которую опирался, так связан он неразрывными нитями со всей жизнью нашего народа в Галиции [Симович 2005: 18 (перевод наш. – Т. К.)].

Отметим, что ни одно явление природы и общества, в частности и язык (речь), не может одновременно существовать и функционировать в трех хронологически отделенных планах – прошлом, современном и будущем. В реальности он всегда существует только в одном плане – в плане современности, но изучать и сопоставлять все эти планы отдельно, без сомнения, необходимо. Очевидно, современная лингвистическая методология, спроектированная на изучение функционального развития отдельных языков с учетом их прагматики, должна базироваться на ретроспективном, синхронном, сравнительном и проспективном аспектах. Именно такое единство подходов обеспечит многоаспектность, комплексность, многогранность и последовательность исследования.

На важности ретроспективной методологии для описания изменений, происходящих в языке, неоднократно акцентировал внимание и Р. Якобсон, отмечая, что фактор времени в языкознании указывает сначала на изменения в лингвистической синхронии, которые считаются новомодными: лингвистическая синхрония сама является динамической; каждый языковой код на всех его уровнях изменяется, и в каждом изменении одна из единиц, поочередно заменяется другой, имеет добавочную информационную значимость и приобретает определенный маркированный статус, противопоставляясь нейтральному, немаркированному статусу иной единицы [см.: Якобсон 1998: 313].

В. Аврорин пишет, что ретроспекция в языкознании – это, очевидно, самый актуальный аспект исследования, поскольку, во-первых, обращение к нему представляет возможность спроектировать анализ непосредственно на практику «языкового строительства», а, во-вторых, языковая ситуация представляет собой систему явлений, тесно связанных и постоянно взаимодействующих: «изучение путей ее развития возможно только при помощи сопоставления ряда синхронных срезов» [Аврорин 1975: 52].

Теория ретроспективной лингвистики в языкознании имеет определенную традицию изучения; к примеру, в прошлом веке в процессе разработки проблем социолингвистики этот подход нашел отражение в концепции Ю. Дешериева, которую успешно развил В. Аврорин, поддерживая постулаты последнего. Ученый называет отличия, существующие между синхронной и ретроспективной лингвистикой: «синхронная учитывает стихийное и сознательное влияние социальных факторов на функционирование речи, больше внимания уделяет сознательному влиянию общества на язык» [см.: Аврорин 1975: 343], а ретроспективная имеет дело с устойчивыми фактами.

В наиболее распространенных украинских и русских энциклопедических лингвистических словарях, к сожалению, отсутствуют словарные статьи с ключевым словом «Ретроспекция». Исключением в украинском языкознании является словарь Е. Селивановой, в котором отмечается, что ретроспекция – это представление

[...] хронотопа как времени и пространства описываемых в тексте событий, предусматривающих переход от нынешнего времени и пространства модельного мира текста к прошлому. Ретроспекция обуславливает стагнацию текстового континуума и является признаком его сюжетной разновидности. В соответствии с концепцией И. Гальперина, ретроспекция дифференцируется на авторскую, обусловленную моделью течения событий в тексте, и читательскую, которая базируется на психологическом свойстве адресата удерживать и актуализировать в памяти уже прочитанные фрагменты текста, предыдущую информацию. Последний тип ретроспекции не связан с текстовым хронотопом, а является особенностью процессов восприятия и понимания текста [Селиванова 2006: 513–514 (перевод наш. – Т. К.)].

Однако, как видим, здесь представлена неполная информация, не отражены методологические основы этой методологии, спроецированные на изучение «живой» речи.

Поскольку в лингвистической литературе функционирует терминосочетание «ретроспективная лингвистика», то и ее статус должен быть очерчен более четко и определенно репрезентирован в справочной литературе. Очевидно, проблемы ретроспективной лингвистики касаются исторического прошлого отдельных языков, особенностей речевого процесса определенных периодов в развитии этих языков, но и особенностей языковой и коммуникативной компетенции отдельных личностей в конкретные периоды

развития языков, в частности языковых личностей, ключевых для культуры конкретного народа.

Исследование коммуникативной компетенции языковой личности на фоне функционирования конкретного языка в определенный период его развития можно спроектировать на проблемы мирового лингвистического процесса, языковой жизни отдельного государства, народа, на социолингвистические проблемы существования форм общества и соответствующего ему языкового сознания, особенно в условиях современной глобализации. Такой подход поможет более глубоко изучить язык в единстве с развитием общества, всех сфер материальной и духовной жизни личности, прошлого, сегодняшнего и будущего общества, языка.

Целесообразно выделить проблематику и методику ретроспективной коммуникативно ориентированной лингвистики, спроектированной на речевую деятельность человека во всех сферах его жизни.

Таким образом, «живая» речь языковой личности из прошлого, как и любое другое языковое явление, требует интерпретации, а поэтому одной из наиболее важных проблем лингвистики является проблема методологии исследования такого явления. Научная методология и методы (методика) языкознания определяются в зависимости от специфики предмета, объекта, цели особенностей использования конкретного исследовательского материала. При изучении коммуникативной компетенции ключевых фигур прошлого необходимо применять ретроспективную методологию, базирующуюся на конкретной методике исследования фактического материала, анализе документальных и научно обоснованных фактов. Факты ретроспективного изучения нужны современному языкознанию и для проспекции, планирования языкового развития, его предвидения.

Литература

- Аврорин В. А., 1975, *Проблемы изучения функциональной стороны языка*, Ленинград: Наука.
- Бенвенист Э., 1998, Сосюр полвека спустя [в:] Э. Бенвенист, *Общая лингвистика*, Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ.
- Булаховський Л. А., 1975, Нариси з загального мовознавства [в:] Л. А. Булаховський, *Вибрані праці. В 5 томах*, т. 1, Київ: Наукова думка.
- Гийом Г., 1992, Рабочая гипотеза и теория [в:] Г. Гийом, *Принципы теоретической лингвистики. Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена*, пер. с фр. П. А. Скредина, Москва: Прогресс: Культура.
- Сфремоз С., 1997, Зі спогадів про Ів. Франка [в:] М. І. Гнатюк (упоряд., вступ. стаття і прим.), *Спогади про Івана Франка*, Львів: Каменяр.
- Житецький Г., 1997, Одруження І. Я. Франка [в:] М. І. Гнатюк (упоряд., вступ. стаття і прим.), *Спогади про Івана Франка*, Львів: Каменяр.

- Іван Франко: Документи і матеріали: 1856–1965, 1966, Київ: Наукова думка.
- Ковалик І. І., Ощипко І. Й., Полюга Л. М., 1990, *Лексика поетичних творів Івана Франка*, Львів: ЛДУ.
- Космеда Т. А., 2012, *Ego і Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу*, Дрогобич: Коло.
- Космеда Т., 2006, *Комунікативна компетенція Івана Франка: міжкультурні, інтерперсональні, риторичні виміри*, Львів: ПАІС.
- Селіванова О., 2006, *Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія*, Полтава: Довкілля.
- Сімович В., 2005, Іван Франко. Його життя і діяльність [в:] М. Білоус, З. Терлак (передмова та приміт.), *Франкіана Василя Сімовича*, Львів: ЛНУ ім. І. Франка.
- Спогади про Івана Франка*, 1997, упоряд., вступ. стаття і прим. М. І. Гнатюка, Львів: Каменяр.
- Трегубова А., 1997, Деяко з життя Ольги Франкової [в:] М. І. Гнатюк (упоряд., вступ. стаття і прим.), *Спогади про Івана Франка*, Львів: Каменяр.
- Франко І., 1981, Доповіді Міріама [в:] І. Франко, *Зібрання творів. У 50 томах*, т. 29: *Літературно-критичні праці (1893–1895)*, Київ: Наукова думка.
- Франко І., 1982а, «Україна», науковий та літературно-публіцистичний щомісячний журнал [в:] І. Франко, *Зібрання творів. У 50 томах*, т. 37: *Літературно-критичні праці (1906–1908)*, Київ: Наукова думка.
- Франко І., 1982б, Михайло [Петрович] Старицький [в:] І. Франко, *Зібрання творів. У 50 томах*, т. 33: *Літературно-критичні праці (1900–1902)*, Київ: Наукова думка.
- Франко І., 1982в, «Parlar gentile» [в:] І. Франко, *Зібрання творів. У 50 томах*, т. 37: *Літературно-критичні праці (1906–1908)*, Київ: Наукова думка.
- Якобсон Р., 1998, Речевая комунікація [в:] Р. Якобсон, *Избранные работы по лингвистике*, Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ.